
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. В. КУРОЧКИН

КИШИНЕВСКАЯ ЗАПИСКА ПУШКИНА К НЕИЗВЕСТНОМУ

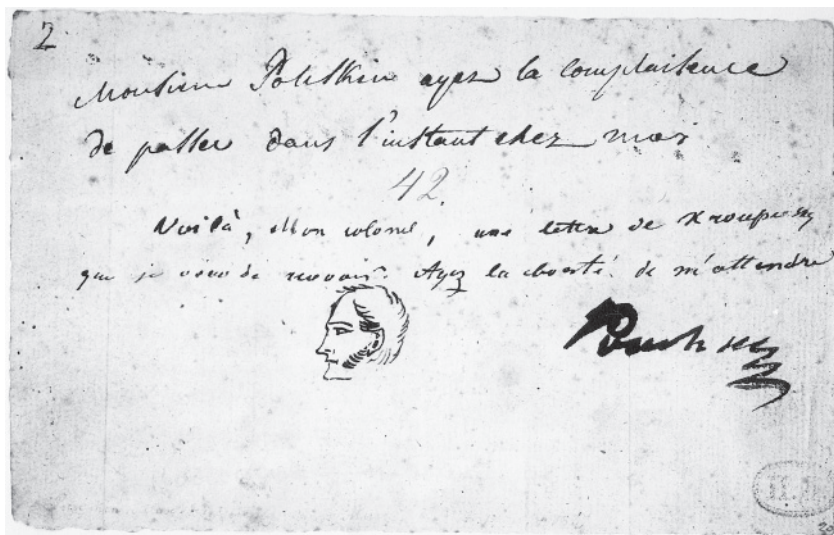
Во время пребывания в Кишиневе Пушкин получил от городского вице-губернатора Матвея Егоровича Крупенского следующую записку: «Monsieur Pouskin, ayez la complaisance de passer dans l'instant chez moi» («Господин Пушкин, будьте любезны тотчас же пожаловать ко мне» (франц.) — XIII, 65, 525). Очевидно доставленная посыльным, она не содержит подписи. Далее на том же листе находится приписка самого поэта: «Voilà, mon colonel, une lettre de Kroupensky que je viens de recevoir. Ayez la bonté de m'attendre. Pouchkine» («Вот, полковник, записка Крупенского, которую я только что получил. Будьте добры, подождите меня. Пушкин» (франц.) — Там же). Ниже Пушкин изобразил мужской профиль.

При первой публикации обеих записок Б. Л. Модзалевский предположил, что адресатом пушкинской был И. П. Липранди,¹ однако затем, присоединившись к мнению Ю. Г. Оксмана, не исключил вероятности, что поэт писал к П. И. Пестелю.² В Большом академическом собрании сочинений Пушкина обращение поэта к полковнику опубликовано как записка к неизвестному, с датировкой октябрём 1820 года — июнем 1823 года, и приведено факсимиле листа с двумя записками (XIII, вклейка между страницами 64 и 65).

В специальной работе, посвященной эпистолярному поэту периода южной ссылки, Т. И. Левичева справедливо отвела кандидатуру

¹ См.: Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 15, 219.

² См.: Там же. Т. 2. С. 501.

Лист с записками Крупенского и Пушкина (ПД 440)

Пестеля, во время общения с Пушкиным носившего еще чин подполковника. Однако, не приведя иных аргументов, кроме отсутствия других служивших в Кишиневе полковников — знакомых поэта, за исключением Липранди, исследовательница заключила, что адресатом записки мог быть только он. Исходя из периода, когда Липранди носил чин полковника, исключив время его отсутствия в Кишиневе, она ограничила датировку записки двумя интервалами: июнь (после 25-го) 1821 года — 4 февраля 1822 года или июль — ноябрь 1822 года.³ Выдвинутое предположение не может считаться бесспорным. До сих пор не предпринималось попыток скрупулезно рассмотреть события, с которыми могло быть связано появление обеих записок. Лишь прояснив данные обстоятельства, можно получить достаточные основания для установления пушкинского адресата и времени написания записок.

Поэт обращается к полковнику, с которым заранее условился о встрече, и просит дождаться своего возвращения от вице-губернатора. Заметим, что Пушкин счел необходимым сообщить визитеру причину своего отсутствия, поэтому обе записки написаны на одном листе. Как представляется, между запланированным приходом пол-

³ См.: Левичева Т. И. Письма А. С. Пушкина Южного периода, 1820—1824: Проблемы текстологии. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 32—33.

ковника и вызовом к Крупенскому существовала связь, поэт и адресат его записки догадывались или знали о цели приглашения вице-губернатора, поэтому гость Пушкина не должен был удивиться его внезапной отлучке, предполагая такой ход событий.

Попробуем установить причину, побудившую Крупенского написать Пушкину, и когда это произошло. Описывая пребывание поэта в южной ссылке, П. И. Бартенев отмечал: «Нередко хаживал он <Пушкин> также обедать к вице-губернатору Крупянскому,⁴ жена которого Екатерина Христофоровна жила и кормила порусски, что не могло не нравиться Пушкину, потому что ему надоели плаинды⁵ и каймаки⁶ других кишиневских хлебосолов».⁷ Липранди в своих замечаниях на труд Бартенева привел уточнение: «Пушкин часто хаживал к Матвею Егоровичу Крупянскому по вечерам, а не обедать. Если же стол его был лучше других “кишиневских хлебосолов” (у которых, впрочем, никто не обедал без особенного зова, и то только изредка у Варфоломея⁸), то уже, во всяком случае, он был несравненно хуже обеда Орлова, Бологовского, Инзова, Черемисинова, Кантакузиных,⁹ где Пушкину не пришлось бы скучать за плаиндами и каймаками. Пушкин и пользовался этим, но действительно не для того только, чтобы избегнуть упомянутых блюд, а, как я думаю, потому, что Пушкин предпочитал всему беседу с людьми, его понимающими».¹⁰

Однако в записке Крупенского чувствуется не столько обычное приглашение в гости, сколько настоятельное требование явиться. И такой визит Пушкина к вице-губернатору, зафиксированный в свидетельствах современников, действительно имел место. Он состоялся 8 марта 1822 года¹¹ и был вызван ссорой поэта с молдав-

⁴ Бартенев и пушкинские современники фамилию Крупенского пишут: «Крупянский».

⁵ Молдавские лепешки с начинкой.

⁶ Молочное блюдо (ср.: пушкинское стихотворение «Недавно бедный мультман...» — вольное переложение начала сказки Антуана Бодерона де Сенесе «Утерянное доверие, или Эмей, любитель каймака, и турок, его поставщик»).

⁷ Бартенев П. И. Пушкин в южной России // Русский архив. 1866. № 8—9. Стб. 1156.

⁸ Е. К. Варфоломей и его семейство — кишиневские знакомые поэта.

⁹ Проживая одно время у своего начальника И. Н. Инзова, поэт регулярно обедал у него. Гостеприимные дома генералов М. Ф. Орлова, Д. Н. Бологовского и Я. Я. Черемисинова, как и семьи Кантакузиных, поэт часто посещал в период пребывания в Кишиневе.

¹⁰ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1. С. 292.

¹¹ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1 / Сост. М. А. Цявловский. С. 277.

ским боярином Тодором Балшем, случившейся 6 марта.¹² Обстоятельства столкновения и последовавшие за ним события в доме Крупянского зафиксировал 9 марта в своем дневнике П. И. Долгоруков: «В прошедшее воскресенье на маленькой вечеринке у молдаванки Богдан дочь ее г-жа Балш, вмешавшись в разговоры и суждения насчет удовлетворения, каковое требовать должен брат ее мужа Янко Балш¹³ за причиненные ему побои, сказала Пушкину, вызвавшемуся отместить честь обиженного: “Vous vous défendez assez mal vous mème”¹⁴ и пр. Пушкин, любя страстно женский пол, а в особенности, как полагают, г-жу Балш, забыл на ту минуту все, бросился к мужу ее Теодарашке Балш, который играл в карты, и объявил, что ему надобно за жену драться. Сей не знал, на что ему решиться. Но когда сама жена стала жаловаться на Пушкина, то и его забрало в очередь. Полетели ругательства. <...> Об этом немедленно донесли наместнику, который тотчас велел помирить ссорящихся. Вечера поутру свели их в доме вице-губернатора. Балш начал просить прощения, извиняясь похмельем, но Пушкин, вместо милости и пощады, выхватил заряженный пистолет и, показывая оный, сказал Балшу: “Вот как я хотел с вами разделаться. Здесь уже не место”. При сих словах, положив пистолет обратно в карман, он ударил его в щеку. Их тотчас розняли, и Пушкин потом приехал к генералу, который мыл ему голову в кабинете и после обеда отправил его с адъютантом под арест. Несмотря на зверский его поступок, многие винят Балша. По общему признанию, в молдаванах нет ни доброты, ни честности, ни благородства».¹⁵

Уточнение деталей этого инцидента, упомянутого позднее и в работе Бартенева,¹⁶ дал Липранди: «Столкновение произошло у того же Крупянского, у которого потом и последовала развязка. <...> Не могу также пропустить без замечания и то, что, как мне кажется, с Алексеевым¹⁷ был и Пуштин¹⁸ в кабинете Крупянского, когда Пушкин разделался с Балшем (через несколько лет возведенным в гетманы, то есть в главнокомандующие войсками Молдавии). О присутствии тут Пуштина говорю не положительно, ибо в то вре-

¹² См.: Там же. С. 276.

¹³ Ошибка, правильно: Иорго Балш.

¹⁴ Вы и себя-то плохо защищаете (франц.).

¹⁵ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни, или Два дни вёдра на 363 ненастья // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 348—349.

¹⁶ Бартенев П. И. Пушкин в южной России. Стб. 1167—1169.

¹⁷ Н. С. Алексеев — чиновник особых поручений при Инзове, входивший в ближайший круг общения поэта в кишиневский период.

¹⁸ П. С. Пуштин — генерал, член «Союза благоденствия», глава масонской ложи «Овидий», в которой состоял Пушкин.

мя я был в отсутствии и возвратился через четыре месяца, а потому и не вполне нахожу этого в записках своих». ¹⁹

После новой ссоры с Балшем у Крупенского Пушкин оказался под домашним арестом, а произошедшие события нашли отражение в стихотворении «Мой друг, уже три дня...». Таким образом, получается объяснение причина вызова поэта к вице-губернатору и определяется дата написания обеих записок — утро 8 марта 1822 года.

Попробуем установить адресата пушкинской записки. Во время описываемых событий Липранди находился в отъезде. Кроме того, едва ли поэт обращался к близкому знакомому, каким был для него Липранди, по воинскому чину. В письме к П. А. Вяземскому от 2 января 1822 года Пушкин характеризовал его так: «Он мне добрый приятель и (верная порука за честь и ум) не любим нашим правительством и, в свою очередь, не любит его» (XIII, 34). Доверяя Липранди, поэт передал с ним корреспонденцию, которую не хотел отправлять почтой. ²⁰ Во время пребывания в Петербурге Липранди вручил письма Пушкина его родным и затем неоднократно с ними встречался. ²¹

Размышляя над тем, как распорядиться запиской, поэт стал рисовать. Заметим, что Липранди доводилось наблюдать за этим процессом: «Пушкин имел особенный дар юмористически изображать физиономии и вообще всю фигуру. <...> Александр Сергеевич на ломберном столе мелом, а иногда и особо карандашом, изображал сестру Катакази, Тарсису, — Мадонной и на руках у ней младенцем генерала Шульмана, с оригинальной большой головой, в больших очках, с поднятыми руками, и пр. Пушкин это делал вдруг с поразительно-уморительным сходством». ²² Под текстом записки поэт ставит подпись с чуть растекшимися чернилами. Если бы адресатом являлся Липранди или кто-либо из близких знакомых поэта, он непременно признал бы его руку и рисунок, поэтому не обязательно было подписывать записку. Можно предположить, что предназначалась она лицу, не входившему в круг пушкинских приятелей, хорошо знавших его почерк и привычки.

Между тем неверно было бы утверждать, что Липранди являлся для Пушкина единственным знакомым полковником в кишиневской период. Поэт общался и с полковником Федором Федоровичем Орловым, бывавшим в Кишиневе наездами у своего брата М. Ф. Орлова, но не в рассматриваемый нами момент времени, ибо

¹⁹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. С. 319—320.

²⁰ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 274.

²¹ См.: Там же. С. 276—278.

²² Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. С. 327.

сам Михаил Федорович еще в январе 1822 года уехал с женой из Кишинева²³ и командование его дивизией принял на себя генерал Пущин. 30 апреля 1822 года Долгоруков стал свидетелем спора Пушкина с артиллерийским полковником Алексеем Матвеевичем Эйсмонтом о рабстве крестьян.²⁴ Данный эпизод следует рассматривать как мимолетную встречу, не позволяющую судить о каком-либо более раннем общении двух собеседников, которых за обедом у Инзова свел случай. Полковником в отставке был и Алексей Петрович Алексеев, местный почтмейстер, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, который, пребывая на гражданской службе, не переставал носить отставной драгунский мундир. По свидетельству В. П. Горчакова, Пушкин, «по преимуществу уважавший самоотвержение и неподдельную отвагу, с наслаждением выслушивал все рассказы Алексеева, как участника в битвах при Бородине и на высотах Монмартра».²⁵ В октябре 1820 года в бильярдной у поэта произошла ссора с А. П. Алексеевым и Ф. Ф. Орловым, закончившаяся при посредничестве Липранди примирением.²⁶ Обращение молодого поэта к почтмейстеру Алексееву в уважение его лет уместнее было бы по имени и отчеству. Именованье же адресата по воинскому чину скорее должно относиться к действующему полковнику и, как отмечалось, не близкому знакомому. И такой человек имелся в кишиневском окружении Пушкина. Им являлся командир 33-го егерского полка Семен Никитич Старов, произведенный в чин полковника 26 декабря 1821 года,²⁷ незадолго до его дуэли с поэтом, состоявшейся 6 января 1822 года.²⁸ Хотя, по свидетельству Долгорукова, «происшествие тогда же разнеслось по городу, и скоро об нем забыли, исключая двух или трех молдаван, у которых оно осталось в памяти»,²⁹ — о нем напомнила Пушкину жена Балша. Приведенная в дневнике Долгорукова ее колкость в адрес поэта, что тот не смог постоять и за свою честь, относилась как раз к его конфликту со Старовым. Бар-

²³ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 1. С. 271, 496.

²⁴ См.: *Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни, или Два дни ведра на 363 ненастья*. С. 353.

²⁵ *Горчаков В. П. Воспоминание о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников*. Т. 1. С. 267.

²⁶ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 1. С. 217.

²⁷ См.: *Подмазо А. А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796—1825) // URL: http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/alfshcom_s.html (дата обращения: 01.10.2022)*.

²⁸ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 1. С. 271.

²⁹ *Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни, или Два дни ведра на 363 ненастья*. С. 348.

тенеv, ссылаясь на Горчакова, привел диалог Пушкина и жены Балша: «“Экая тоска! Хоть бы кто нанял подраться за себя!” Молдаванка вспыхнула. “Да вы деритесь лучше за себя”, — возразила она. “Да с кем же?” — “Вот хоть с Старовым; вы с ним, кажется, не очень хорошо кончили”». ³⁰ Поводом к дуэли стал инцидент, который случился 5 января на вечере с танцами, где поэт приказал музыкантам играть мазурку, а один из офицеров полка, которым командовал Старов, — кадрили. Музыканты исполнили приказание Пушкина. Полковник принял это за оскорбление своего подчиненного. ³¹ Горчаков, оставивший подробности происшествия, дал яркую характеристику личных качеств полковника:

«Вы сделали невежливость моему офицеру, — сказал Старов, взглянув решительно на Пушкина, — так не угодно ли вам извиниться перед ним, или вы будете иметь лично дело со мною». — «В чем извиняться, полковник, — отвечал быстро Пушкин, — я не знаю; что же касается до вас, то я к вашим услугам». — «Так до завтра, Александр Сергеевич». — «Очень хорошо, полковник». Пожав друг другу руку, они расстались. <...> На другой день утром, в девять часов, дуэль была назначена: положено стрелять в двух верстах от Кишинева; Пушкин взял к себе в секунданты Н. С. Алексеева. По дороге они заехали к полковнику Липранди, к которому Пушкин имел исключительное доверие, особенно в делах этого рода, как к человеку опытному и, так сказать, весьма бывалому. Липранди встретил Пушкина поздравлением, что он будет иметь дело с благородным человеком, который за свою честь умеет постоять и не способен играть честью другого. Подобные замечания о Старове и мы не раз слышали, и не от одного Липранди, а от многих, и между многими можем назвать: Михаила Федоровича Орлова, Павла Сергеевича Пушина, этих участников в битвах 12-го года и под стенами Парижа, где и С. Н. Старов также участвовал, и со славою, еще будучи молодым офицером. Мы не имели чести видеть Старова в огне, потому что сами в то время не служили и не могли служить; но зато впоследствии, смеем уверить каждого, мы ни разу не слышали, чтоб кто-нибудь упрекнул Старова в трусости или в чем-либо неблагоприятном. Имя Семена Никитича Старова всеми его сослуживцами и знакомыми произносилось с уважением. ³²

Во время поединка случилась метель. Противники сделали по два выстрела, закончившиеся промахами. Дуэль отложили:

³⁰ Бартенев П. И. Пушкин в южной России. Стб. 1168.

³¹ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 270—271.

³² Горчаков В. П. Воспоминание о Пушкине. С. 269—270.

«Итак, до другого разу», — повторили оба в один голос. «До свидания, Александр Сергеевич!» — «До свидания, полковник!»

На возвратном пути из-за города Пушкин заехал к Алексею Павловичу Полторацкому и, не застав его дома, оставил ему записку следующего содержания:

Я жив,
Старов
Здоров,
Дуэль не кончен.

<...> Полторацкому вместе с Алексеевым пришла мысль помирить врагов, которые по преимуществу должны быть друзьями. И вот через день эта добрая мысль осуществилась. <...> Без дальнейшего вступления со стороны примирителей и недавних врагов примирение совершилось быстро. «Я вас всегда уважал, полковник, и потому принял ваше предложение», — сказал Пушкин. «И хорошо сделали, Александр Сергеевич, — отвечал Старов, — этим вы еще более увеличили мое уважение к вам, и я должен сказать по правде, что вы так же хорошо стояли под пулями, как хорошо пишете». Эти слова искреннего привета тронули Пушкина, и он кинулся обнимать Старова.³³

Отметим одну существенную деталь: Пушкин всякий раз обращается к Старову точно так же, как и в записке, — исключительно по его воинскому чину.

Когда поэт случайно услышал, как местная кишиневская молодежь судачит о его поединке с полковником, то немедленно вмешался в их разговор: «Господа, — сказал он, — как мы кончили с Старовым — это наше дело, но я вам объявляю, что если вы позволите себе охуждать Старова, которого я не могу не уважать, то я приму это за личную обиду, и каждый из вас будет отвечать мне, как следует!»³⁴

По поводу поединка с Пушкиным близко знавший Старова Липранди «спросил его, как это пришло ему в голову сделать такое дурачество в его лета и в его положении? Он отвечал, что и сам не знает, как все это сошлось; что он не имел никакого намерения, когда подошел к Пушкину. “Да он, братец, такой задорный”, — присовокупил он». Спустя «тридцать два года после поединка он искренне

³³ Горчаков В. П. Воспоминание о Пушкине. С. 270—271.

³⁴ Там же. С. 271.

обвинял себя и говорил, что это одна из двух капитальных глупостей, которые он сделал в жизни своей».³⁵

После ссоры с Балшем и до визита поэта к Крупенскому прошел день. У Пушкина было время осмыслить произошедшее и подумать о выборе секунданта. Старов подходил на эту роль как никто другой. Оба щепетильные в вопросах чести, Пушкин и полковник с поразительным хладнокровием выдержали выстрелы друг друга, которые каждому могли стоить жизни. Не удивительно, что поэт мог пригласить в секунданты бывшего противника. Так он поступит и позднее, в ноябрьской дуэльной ситуации 1836 года с Дантесом, когда позовет в секунданты графа В. А. Соллогуба, с которым ранее имел инцидент, едва не закончившийся поединком. Одновременно Пушкин демонстрировал окружающим, что удовлетворен исходом дуэли со Старовым и искренне уважает его. Этот шаг явился бы красноречивым ответом на язвительное высказывание жены Балша в адрес Пушкина, послужившее причиной конфликта с ее мужем. Выбор же в качестве секунданта кого-либо из близких знакомых или друзей, например Н. С. Алексева, поэт едва ли рассматривал. Любой из них предпринял бы шаги к примирению. Это Пушкина никак не устраивало, что и подтвердила новая стычка с Балшем в доме Крупенского. Да и Липранди, находясь он в Кишиневе, постарался бы предотвратить возможный поединок. Пушкин, безусловно, это понимал.

В связи с вновь установленным адресатом записки поэта необходимо снять прежнюю атрибуцию рисунка под ней как изображения Липранди или Пестеля.³⁶ Как и трудно представить, что это уже находившийся в достаточно пожилом возрасте отставной полковник А. П. Алексеев. По поводу изображения Липранди позволим себе высказать предположение, что поэт оставил его в рукописи стихотворения «Завидую тебе, питомец моря смелый...». В левом нижнем углу листа со стихотворением мы видим мужской портрет, который ранее не привлекал внимания исследователей пушкинских рисунков. Профиль развернут в сторону от зрителя, взгляд изображенного устремлен вдаль, словно тот смотрит на море. 11 ноября 1822 года Липранди оставил военную службу и 3 марта 1823 года вступил в службу статскую — чиновником по особым поручениям при новороссийском генерал-губернаторе и бессарабском наместнике М. С. Воронцове.

³⁵ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. С. 318, 319.

³⁶ См.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 218. № 468, 591.

Изображение И. П. Липранди
в рукописи стихотворения
«Завидую тебе, питомец моря
смелый...» (ПД 834, л. 12)

Не будучи уже военным, Липранди мог отпустить усы, которые официально разрешили носить пехотным офицерам только в 1832 году. У изображенного — высокий лоб, длинный нос, вытянутый овал лица, вьющиеся волосы на лбу и у виска — черты, напоминающие облик Липранди, насколько можно судить по известному акварельному портрету работы Г. Геда, атрибутированному ныне как изображение Максима Ивановича Липранди,³⁷ а также по портретам брата И. П. Липранди — Павла Петровича. По-видимому, Пушкин узнал о намерении Липранди сражаться на стороне восставших в Греции или Южной Америке.³⁸ Находясь в Одессе, поэт представлял Липранди уже на пути в чужие края. Также и сам он морем мечтал совершить побег из ссылки. Таким образом, присутствие изображения Липранди в рукописи стихотворения «Завидую тебе, питомец моря смелый...» соотносится с общим мотивом его создания. Время работы над стихотворением определяется июнем — первой половиной октября 1823 года (см.: АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 894). Поэта волнует судьба Липранди. В конце октября 1823 года в письме к Ф. Ф. Вигелю он интересуется: «Где и что Липранди? Мне брюхом хочется видеть его» (XIII, 73). Любимое пушкинское выражение (ср. в письме к Н. И. Гнедичу от 27 сентября 1822 года: «Мне брюхом хочется театра и кой-чего еще» (XIII, 49) и в письме к П. А. Вяземскому от 19 февраля 1825 года: «...прозы твоей брюхом хочу» (XIII, 145)) содержит и буквальный намек на изобильную трапезу, которую Липранди устраивал для своих гостей. В воспоминаниях Вигеля о парижском периоде жизни Липранди говорится: «Всякий раз что, немного поднявшись по лестнице, заходил я к нему <Липранди>, находил я изобильный завтрак или пышный обед: на столе стояли горы огромных персиков, душистых груш и доброго винограда, искусственно произрастающего в Фон-

³⁷ См.: Кибовский А. В. 500 неизвестных. М., 2019. С. 25, 272—273.

³⁸ См.: Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 28—29.

тенбло, под названием шассела».³⁹ Как представляется, традицию подобного хлебосольства Липранди сохранил и позднее.

Между тем первая стычка поэта с Балшем 6 марта получила широкую огласку. Можно предположить, что о намерении Крупенского выступить примирителем стало известно Старову, и он предупредил Пушкина о возможном вызове к вице-губернатору. В таком случае смысл записки поэта становится более очевидным: он извещает полковника, что получил ожидаемое приглашение Крупенского. По-видимому, его записка пришла в тот момент, когда Пушкин намеревался встретиться с полковником, уже заручившись или для того, чтобы заручиться его поддержкой как секунданта. Заранее предвидя намерения вице-губернатора, поэт не предполагал задержаться у него надолго, тотчас отказавшись от примирения, и надеясь на скорое возвращение, для чего и просил полковника дожждаться его для обсуждения дальнейших действий. Под текстом записки Пушкин изобразил и адресата — полковника Старова.

Мы можем лишь предполагать, как поэт распорядился уже написанной запиской, но встреча с полковником не состоялась. Пушкин, возможно, отказался от первоначального намерения привлечь его к делу, чтобы избежать дальнейших пересудов, не оставил записку, и гость сразу же ушел, не застав хозяина. Могло случиться, что по каким-либо обстоятельствам Старов не явился или пришел, прочитал оставленную поэтом записку, но не дождался его, а Пушкин вернулся домой уже под арест. Поэтому лист с записками при любом развитии событий остался в бумагах поэта и был обнаружен В. А. Жуковским после его смерти.⁴⁰

В свете вышеизложенного адресатом записки Пушкина можно считать полковника С. Н. Старова, и датировать ее, как и записку М. Е. Крупенского к поэту, следует 8 марта 1822 года.

³⁹ Вигель Ф. Ф. Записки / Издание «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи): В 7 ч. М., 1892. Ч. 5. С. 120.

⁴⁰ См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 182.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 37

Санкт-Петербург
2023

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

*Издание основано в 1962 году
Выходит один раз в год*

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
*Доктор филологических наук
А. В. Кошелев
(Государственный архив Новгородской области)*
*Доктор филологических наук
О. Б. Лебедева
(Томский государственный университет)*

ISBN 978-5-94668-370-8

© Авторы статей, 2023
© Пушкинская комиссия РАН, 2023